

протоиерей Сергей Четвериков

Препятствия на пути к Евангелию иеросхимонах Сергей (Четвериков)

Протоиерей Сергий Четвериков, ставший иеросхимонахом Сергием, был пострижен в великую схиму летом 1942 года, в монастыре Преп. Иова во Владимировой на Карпатах. Отец Сергей был великим монахолюбцем и, еще будучи в России, духовно назидался у последних оптинских старцев. Уже до революции были опубликованы некоторые его произведения. Преставился отец Сергей на 78-м году жизни в Братиславе, где он жил вместе со своим сыном.

* * *

Современному человеку трудно подойти просто и непосредственно к Евангелию, принять его так, как оно есть – без всякого мудрствования, с доверчивым сердцем, как это свойственно детям и простым людям и как это, безусловно, необходимо по слову Господа нашего Иисуса Христа: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18:3).

«Не обратитесь,» значит – не вернетесь назад, не станете снова ребенком – конечно, не в смысле скудости знания и жизненной неопытности – а в смысле **незагроможденности сердца** собственной личностью и разными предрассудками и страстями, которые развиваются и укореняются в человеке с возрастом, при невнимательном отношении к себе, при забвении слов Спасителя: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Чтобы принять Евангельское учение, современному человеку приходится многое пережить, смириться, отвергнуться себя, и только тогда ему откроется со всей ясностью высота содержания Евангелия. Целью настоящих заметок является рассмотреть некоторые из тех внутренних препятствий, которые мешают современному человеку подойти к Евангелию.

1. Первым препятствием на пути к Евангелию надо признать **привычку исключительно умственного, теоретического** подхода к предмету. Цель Евангелия не в том, чтобы удовлетворить умственные запросы образованного человека, а в том, чтобы помочь ему стать на путь духовного возрождения и обновления. «Кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Иоан. 3:3). «Кто [пребывает] во Христе, тот

новая тварь» (2Кор. 5:17).

Как видим из повествования Евангелиста Матфея, богатого юношу волновали духовные вопросы, учение Христа ему нравилось и привлекало его – однако не на столько, чтобы ради него жертвовать своим благополучием. Именно пристрастие к земному помешало ему стать учеником Христовым. Когда Иисус Христос сказал ему: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной,» – то он отошел со скорбью.

Если мы оглянемся на прошлое русского дореволюционного общества и русского студенчества, то увидим, что им всегда был присущ горячий интерес к вечным вопросам о Боге, о правде, о смысле и цели жизни. Но этот интерес был, по преимуществу, умственным, теоретическим, не оказывавшим влияния на жизнь. Евангелие, призывающее, прежде всего, к внутреннему обновлению, мало привлекало русскую интеллигенцию, потому что она интересовалась преимущественно отвлеченными темами: философией, научными открытиями, политическими и социальными учениями, но не вопросом спасения собственной души. А к этому-то, именно, и зовет Евангелие, говоря: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Матф. 16:26).

Если мы сравним отношение к Евангелию русской интеллигенции с отношением христианских подвижников и простых верующих людей, то увидим существенную разницу. Для последних Евангелие меньше всего является предметом теоретического изучения. Они ищут и находят в Евангелии, как в слове Божиим, указание **жизненного пути**. Только этого одного они и ищут в нем. Обращение к Евангелию является для них началом новой жизни, нередко – решительным разрывом с прошлым. «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою,» – говорит ап. Петр Иисусу Христу (Лук. 18:28). Евангелие всецело захватывает душу христианских подвижников, не оставляя в ней места другим интересам, другим жизненным целям. Не один только уголок отводят они Христу в своем сердце, но отдают Ему всецело «невозвратным помыслом,» как говорит церковная песнь. Припомним некоторые примеры из нашей русской истории, нам особенно близкой и родной. Преп. Феодосий Печерский, будучи еще мальчиком, отказывается от нарядных одежд и предпочитает носить рубище, желая подражать «нищете Христовой.» Он просит кузнеца оковать его железной цепью по голому телу для смирения своих греховных желаний, и кузнец исполняет его просьбу. Много раз он убегает от своей матери, трудится для других, поселяется в сырой и тесной

пещере преп. Антония.

Другой русский святой – молодой боярин Феодор Колычев, богатый и красивый, оставляет двор Иоанна Грозного, переодевается простым крестьянином, работает по крестьянским дворам, принимает на себя суровый подвиг в Соловецком монастыре. Богатая землевладелица Иулиания Лазаревская раздает в голодный год все свое имущество голодающим. Преподобный Серафим 17-ти лет отроду уходит из родного дома в странствование и всю остальную жизнь проводит в суровых подвигах Христа ради. Паисий Величковский оставляет Духовную Академию, горячо любящую его мать, предстоящее ему обеспеченное и почетное положение в обществе, становится скитальцем по монастырям, живет в нищете и убожестве. Вдова полковника, Александра Мельгунова, отказывается от светской, богатой жизни, поступает прислугой к бедному сельскому священнику, исполняет самые черные работы.

Из этих примеров ясно видно отличие церковного, подвижнического отношения к Евангелию от светского, присущего интеллигенции. И это отличие заключается вовсе не в суровости принимаемых на себя подвигов, а, главным образом, в том **всецелом повороте души к Евангелию**, какой мы видим у них. Не каждому нужно заковывать себя в цепи по примеру преп. Феодосия или проводить тысячу ночей в молитве на камне подобно преп. Серафиму, но и тот, кто напоит одного из малых сих чашею холодной воды во имя Христово, стоит на истинном Евангельском пути.

Все вышеизложенное можно вкратце выразить следующими словами: **первым препятствием на пути к Евангелию является привычка теоретического и отвлеченного интереса к нему, вместо глубокого обращения ко Христу всей своей душой, как к источнику жизни и бессмертия.**

2. Вторым препятствием на пути к Евангелию является **неумеренная поглощенность самим собой, собственной личностью.** Нет ничего более духовно-убивающего, как делать себя, сознательно или бессознательно, средоточием жизни. Когда человек делает себя центром жизни, своим кумиром, он никогда не достигнет того, что ищет, т. е. истинного счастья. Его всегда гложет неудовлетворенность и тоска. Осыпьте его миллионами, дайте ему возможность неограниченных развлечений и наслаждений, мировую известность и славу, и после краткого восторга он почувствует пустоту и одиночество. И будет до тех пор чувствовать себя таким, пока не сумеет отрешиться от себя. Без этого, какие бы он не ставил себе высокие цели, он будет обречен лишь на мимолетные и призрачные минуты радости, которые будет неизменно

сменяться длительным разочарованием и скукой.

Чтобы стать истинно-счастливым, надо полагать цель своей жизни не в себе самом. Чем значительнее, чем важнее тот предмет, в котором мы полагаем цель своей жизни, чем полнее мы ему отдаемся, чем больше забываем ради него о себе самих, тем мы становимся радостнее и счастливее. Счастлив человек, бескорыстно отдающийся любимому труду: физическому или умственному. Счастлив ученый, всецело поглощенный своими научными исследованиями, как какой-нибудь погруженный в свои чертежи Архимед или Ксенофан, посвятивший свою жизнь изучению звезд, или Спиноза, поглощенный своими религиозно-философскими размышлениями. Счастлива мать, всецело живущая для своих детей, счастливы братья и сестры своею взаимной любовью, друзья – своей чистой и искренней дружбой.

Величайшее счастье, полнота счастья, по христианскому учению, заключается в бескорыстной, всецелой любви к Богу и людям – не к отвлеченному человечеству, а находящемуся около нас ближнему – со всеми его недостатками и слабостями. Вся земная жизнь Иисуса Христа и Его учение, в особенности – Его нагорная проповедь и прощальная беседа с учениками, Его страдания и смерть – являются примером осуществления закона любви.

И все спасение нашей души в том и состоит, чтобы «отвергнуться себя,» и, взяв крест свой, т. е. бремя жизни своей, последовать за Христом. Только тогда и отвалится от нашей души тяжелый камень внутренней неудовлетворенности, и на душе станет тепло и легко. Любящий человек никогда не устанет жить любя. И сколько бы времени ни продолжалась его любовь, ему всегда будет казаться, что она только начинается. Для христианина нет опасности, что его идеал когда-либо окажется полностью осуществленным и исчерпанным, потому что христианский идеал заключается не во внешних достижениях, а во внутреннем росте, которому нет конца.

Известная фраза Максима Горького: «Человек – это звучит гордо,» имеет некоторый смысл лишь постольку, поскольку мы видим в человеке образ Божий; если же применить ее к человеку, отрешенному от Бога и лишенному бессмертия, то она звучит жалко и нелепо, потому что всем хорошо известно ничтожество и бессилие человека, сегодня существующего, а завтра сдуваемого с лица земли, как жалкая песчинка, как мыльный пузырь. Только в единении с Богом и в бессмертии и заключается сила и слава человека, но никак не в нем самом, в его обособленности.

Поэтому всё, сказанное в этой части, можно вкратце выразить так: для правильного подхода к Евангелию надо **освободиться от привычки считать самого себя средоточием и целью жизни, надо смириться и преклониться перед Богом, Который есть Высшее и Единое средоточие и цель жизни всего существующего.**

3. Третьим препятствием на пути к Евангелию следует признать **порабощенность современного человека материалистическим, механическим пониманием мира, недостаток осознания того, что над миром господствует и руководит им духовное начало.**

Люди не понимают, что мир – это великая Божественная тайна, глубину которой невозможно ни исследовать, ни постичь. Наше частичное и поверхностное знание мы ошибочно принимаем за познание его таин. Достигнутые успехи в науке приводят к убеждению в механичности мироздания, к предположению, что вот-вот будет раскрыта последняя тайна природы, и всё станет понятным. На самом же деле получается слишком близорукое и бледное понятие о вселенной, без учета величия и премудрости Того, Кто всё это создал, без старания покориться Его закону и воле.

Тем не менее, новейшие научные изыскания все больше и больше опровергают грубо материалистическое понимание мира, которое навязывалось воинствующим безбожием. Во-первых, становится всё больше очевидным, что все, что мы видим, слышим или осязаем, в большей степени является продуктом деятельности нашего познающего духа, нежели объективной принадлежностью окружающих нас предметов. Цвет, запах, вкус, звук – все, что создает внешний облик, красоту и прелесть окружающих нас вещей и явлений видимого мира: голубой цвет неба, сияние звезд, шум моря, зелень полей и лесов, звуки человеческого голоса и прочее – все это производное нашего духа, результат отображения окружающего нас мира на нашей психике. Правда, окружающие нас вещи существуют и сами по себе, но наши представления о них создаются работой нашего духа, который налагает на них свою печать. Наш дух является в некотором смысле творцом окружающего мира. Само наше понятие о материи и ее свойствах есть результат деятельности нашего духа. С обогащением нашего духа новыми познаниями, новыми наблюдениями меняется наше понятие о материи. Человеческий разум еще в древние времена пришел к заключению, что окружающий нас мир представляет собой непрерывное движение мельчайших частиц, недоступных нашему непосредственному наблюдению атомов.

Что есть атом? Какова его природа, его строение? Есть ли это минимальная частица косного вещества, в одно и то же время делимая и неделимая, или это есть нечто активное, живое? Последние научные исследования утверждают, что этот основной элемент материи имеет, будто бы, совсем нематериальную природу, т. е. не имеет ни протяженности, ни косности и является центром какой-то живой движущейся энергии. По этой теории, материя, как мертвое и косное вещество, упраздняется и превращается в нечто нематериальное, в некую силу. Таким образом, возникает новое понятие о мире. Косное вещество уступает место живой энергии, а это уже есть некоторый переход к духовному началу. Дух оказывается торжествующим над материей в самом строении мира.

Взглянем на взаимоотношение материи и духа еще и с другой стороны, личной. Что мы считаем в себе самым существенным и ценным? Если дух есть простой придаток материи и сам по себе не существует, то, конечно, самым действительным и ценным в себе мы должны считать свое тело. Ему мы должны отдавать все наше внимание и заботы. Однако самый последовательный и убежденный материалист не скажет, что истинное содержание и главный интерес его жизни заключается в работе его желудка или в здоровом состоянии организма, а не в переживаниях, которые он испытывает: чувства радости и грусти, дружбы и вражды, любви и ненависти и т. д. Любовь к прекрасному, интерес к знанию, наслаждение предметами искусства, жажда духовного совершенствования и развития, нравственные и религиозные переживания, духовное общение с другими людьми, общественная деятельность – вот истинный круг высших и самых дорогих интересов человечества. Выбросьте из человеческой жизни все духовное, – и что останется? Пустота!

Что всегда одушевляло и влекло людей на подвиг и самоотвержение? Только – идеалы духа. Тела наши умирают и разрушаются, составляющее их вещество втягивается в кругооборот материи, а идеалы духа остаются нетленными и продолжают вдохновлять и объединять человечество.

Здесь именно – в мире духовных ценностей – сосредотачивается высший интерес и истинная жизнь человечества... Дух есть истинная, реальная, двигающая сила жизни... Победная сила духа с особенной ясностью обнаруживается в религиозных движениях и, особенно – в истории христианства.

Своим появлением Евангелие потрясло, перевернуло древние понятия и взаимоотношения между людьми. Если не в действительную жизнь, то в

сознание, в идеал оно внесло новые мысли, новые задачи в умы людей и вдохновило ими человечество.

Явилось возвышенное понятие о Боге и Его отношении к людям. Выдвинулись с особенной силой запросы духа. Произошел огромный подъем духовных сил и способностей человека, одушевленного заповедью Христа: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Матф. 5:48). Дано было новое неисчерпаемое содержание человеческому творчеству в области мысли, живописи, архитектуры, музыки, поэзии. В Христианстве мы видим поразительное явление, когда победа в жизненной борьбе оказалась не на стороне грубой физической силы, вопреки нашей обычной уверенности, не на стороне ненависти, злобы и беспощадной жестокости, а на стороне сознательной незащитности и кротости, вооруженной только верой, молитвой и любовью. Одной только силой своего одушевления, силой пламенной веры и горячей любви к своему Господу Спасителю и благодатным вдохновением Св. Духа, христиане перенесли и преодолели упорные и беспощадные трехвековые гонения со стороны могущественной римской власти, стремившейся с корнем вырвать и уничтожить ненавистное ей новое учение любви и братства, кротости и смирения. К физическим мукам враги Евангелия, вооруженные всем просвещением своего века, присоединяли грубые глумления и издевательства над христианским верованием, изображали в карикатурном виде христианское учение и на сцене, и в литературе, но ничто не могло поколебать и ослабить победную силу христианства. Известны случаи, когда актеры, выходявшие на сцену для глумления над Евангелием, неожиданно исповедовали свою веру в Распятого и становились мучениками.

С радостными лицами и с молитвой за своих палачей шли христиане на самые страшные мучения и мужественно встречали смерть, в которой видели дверь к новой, вечной, радостной жизни со Христом. Из сказанного ясно, что Христианство есть могучее проявление духа, торжество духа над материей, свободы над необходимостью, жизни над смертью. Пора уже нам отказаться от исключительно материалистического и механического воззрения на мир. И материи, и механике принадлежит свое место в мире, но верховное, царственное, господствующее положение принадлежит Духу, который является реальной, конкретной, живой, свободной, самостоятельной, субстанциональной силой, более действительной и более нам понятной, нежели так называемая материя.

Апостол Павел говорит: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3:17). Свобода есть основное, существенное,

неотъемлемое свойство духа. Но что такое свобода? Обычно мы считаем свободой независимость от каких-либо ограничений, внутренних или внешних. Такое понимание свободы, прежде всего, имеет только отрицательный характер. А затем – ограничение, внешнее или внутреннее, является необходимым условием развития истинной свободы.

Евангелие учит, что тот, кто еще не победил греха в себе, есть раб греха и не имеет истинной свободы. По существу, в положительном своем значении свобода есть способность творческого почина. Материя инертна, косна. Она приходит в движение не по своему почину, но под действием извне и сохраняет это движение, пока не встретит к тому препятствия опять-таки извне. Только одному духу свойственен творческий почин действия, он – выше необходимости, не связан ею. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). Вот самое чистое, самое могущественное проявление творческой свободы Духа!

В этом свойстве духа и лежит объяснение чудес. Чудо не является, как принято говорить, нарушением законов природы, особенно, если принять во внимание, что так называемые законы природы обыкновенно суть не что иное, как привычная для нас последовательность явлений, внутренняя необходимая связь которых для нас не совсем ясна. Чудо же есть не что иное, как торжество творческой силы духа над косностью материи.

Свободная сила человеческого духа постоянно совершает чудеса над косностью окружающей нас материи. Высшая, всемогущая свобода Божественного Духа, даровавшая бытие миру, может совершать чудеса, непосильные и поразительные для людей и, тем не менее, вполне соответствующие природе Божественного Духа.

Если справедливо, что жизнь есть великая тайна, лишь незначительный уголок которой приоткрывается людям, то несомненно, что у людей нет никакого логического основания сомневаться не только в возможности чудес, но и в реальном, конкретном существовании ангелов и демонов, загробного блаженства праведников и мучений грешников, о чем нам с полной определенностью говорит Евангелие.

Формулируя кратко содержание всего выше сказанного, мы можем утверждать, что для правильного подхода к Евангелию **надо освободиться от предрассудка механического миропонимания и усмотреть господствующую в мире силу свободного Духа.** Надо помнить, что жизнь есть великая тайна, только отчасти открывающаяся нам.

4. Другим важным препятствием к принятию Евангелия является сбивчивость и неясность наших понятий о вере и знании и, в связи с этим, склонность приписывать знанию превосходство над верой.

Знание мы рассматриваем, как нечто несомненное, твердо обоснованное, вполне объективное, логически неопровержимое и для всех обязательное; веру же мы считаем чем-то произвольным, субъективным и бездоказательным. Однако такое противопоставление знания вере в действительности оказывается ошибочным. Прежде всего, само определение знания, как чего-то несомненного и твердо обоснованного, не соответствует действительному положению дела. Это, может быть, идеал знания, но не наличное его состояние. Стоит только сравнить, хотя бы древнее учение о четырех стихиях с современным учением об элементах и об электронах или древние астрономические теории об устройстве вселенной с современными астрономическими открытиями, или медицинские понятия Гиппократ и Галена с познаниями современных анатомов и физиологов и т. д., чтобы увидеть, как текучи, изменчивы и даже противоречивы так называемые научные истины. То, что одними поколениями провозглашалось, как несомненная научная истина, как величайшее достижение человеческого разума, последующими поколениями рассматривалось, как наивное, детское заблуждение. Таким образом, знание не есть что-либо точно и окончательно установленное: оно постоянно видоизменяется и растет в зависимости от роста человеческого опыта, от умножения наблюдений, от усовершенствования орудий познаний. Поэтому такие выражения, как «наука признала,» «наука отрицает» и т. д., следует употреблять с оговорками и без самоуверенности. Знание есть не что иное, как результат опыта наших пяти чувств, проверяемый нашим рассудком. Этот опыт только растет и уточняется, но не выходит никогда из своих границ, определяемых пятью чувствами и рассудком, и, таким образом, дает нам только поверхностное познание о мире.

Что такое **вера**? Со словом «вера» соединяется несколько понятий. Вера, во-первых, есть чувство уверенности в какой-нибудь истине. В этом смысле вера может быть и бывает свойственна людям не только в области религии, но и в области знания. Сократ, Галилей, Колумб могут быть примерами такой веры. Такая вера может быть и результатом собственного наблюдения и вдумчивого размышления, и следствием доверия к словам лиц, в правдивости которых мы не сомневаемся и которые являются для нас авторитетом. Так ребенок несколько не сомневается в справедливости рассказов няни о домовых и русалках. Он вполне верит ей, но эта вера – слепая. Она основана на доверии, а не на сознательном опыте. Такую слепую веру обычно и противопоставляют знанию, отдавая преимущество последнему, как основанному на

сознательном опыте и размышлении.

Во-вторых, под верою можно разуметь особый род знания, отличный от научного, рассудочного знания. Вера – это то знание, которое справедливо можно назвать прозрением, проникновением во внутреннюю, глубочайшую сущность жизни, и которое апостол Павел называет «Вещей обличение невидимых» (Евр. 11:1). Это проникновенное знание не всем одинаково доступно. Там, где один человек ничего не замечает, другой усматривает глубочайшую истину и делает гениальное открытие. Тысячи людей видели и видят падение яблока с дерева, но только одного Ньютона это обстоятельство навело на гениальное открытие закона всемирного тяготения. Тысячи людей видели и видят кипение воды в чайнике, а одному только Джеймсу Уатту пришла в голову гениальная мысль об устройстве паровой машины.

Но обратимся к Евангелию и в нем отыщем пример проникновенной веры – знамя! Иисус Христос исцелил слепорожденного, и этот человек тотчас же увидел в Нем великого праведника и пророка, пришедшего от Бога. Его отношение к Христу-Спасителю с особенной яркостью вырисовывается при сравнении его с отношением других лиц. Ученые книжники и фарисеи, видевшие исцеленного своими глазами и произведшие самое строгое расследование по этому делу с допросами соседей и родителей исцеленного, не признали в Иисусе Христе праведника и пророка Божия. «Не от Бога этот Человек, потому что не хранит субботы» (Иоан. 9:16). «Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, – отвечает исцеленный, – а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слышано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего» (Иоан. 9:30–33). В событии исцеления слепорожденного открываются поразительные вещи: в одном и том же факте, точно установленном и бесспорном, разные люди видят разный смысл: исцеленному, до очевидности, ясно видна сила Божия, фарисеи же стоят перед ним, как слепые, бродят вокруг да около. Как объяснить это?

Скажем ли мы, что слепорожденный обнаружил в данном случае слепую, наивную доверчивость, а книжники проявили строгость и беспристрастие научного мышления? Едва ли кто-нибудь сможет это утверждать! Напротив, разумность и глубина постижения здесь, и это очевидно, на стороне исцеленного. Он прозрел истину, которой не хотели видеть другие. Это и отметил Иисус Христос в своих заключительных словах: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие

стали слепы» (Иоан. 9:39). Ту же прозорливость обнаружила и грешница, обливавшая ноги Иисуса Христа своими слезами, и это отмечено церковной песнью, где сказано: «Господи, яже во многие грехи впавшая жена. Твое ощутившая Божество» (Стихира Великой Среды). Никто в доме Симона фарисея, как и сам Симон, не ощутили с такой ясностью, с такой силой, с таким умилением Божество Иисуса Христа, как эта «целомудренная блудница,» по выражению церковной песни.

А припомните еще св. великомученицу Варвару. Отделенная своим отцом от всего мира, живущая в полном уединении, она сумела глубоким проникновением в окружающую природу усмотреть в ее дивной красоте Художника и Творца, Которого ни её отец и никто другой из окружающих не видел.

Из сказанного ясно, что вопрос о познании совсем не так прост, как может показаться. Для познания недостаточно иметь только пять здоровых внешних чувств и следовать нормальной логике, но нужно иметь еще и некую **духовную чуткость**, или, как говорят, способность интуитивного прозрения. Эта способность интуитивного прозрения проявляется и в области научного мышления (Ньютон, Эйнштейн), и в области религиозного постижения. Имея в виду именно эту способность, В.С. Соловьев писал, что верить в Бога гораздо труднее, нежели не верить. Для веры требуется **духовный подъем**, острота духовного зрения, духовная чуткость, а неверие во всем этом не нуждается. Для неверия не нужен духовный подъем: ему достаточно лишь равнодушие и безразличие к глубочайшим вопросам жизни, которое оно легкомысленно отбрасывает своими логическими построениями. Для интуитивного проникновения в глубину жизни, надо иметь художественную душу, и при этом воспитанную духовным подвигом, строгой проверкой себя.

Таким образом, нужно различать два вида знания: знание рассудочное, внешнее, которым постигаются внешние взаимоотношения вещей, и знание созерцательное, внутреннее, которым постигается глубокая сущность вещей. Например, красота познается интуитивно, внутренним чувством. Подобным образом и вера в Бога есть познание интуитивное, зарождающееся в чуткой душе и сопровождаемое глубокими религиозными переживаниями.

То, что веру в Бога можно назвать познанием, ясно подтверждается словами Господа: «Сие же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Иоан. 17:3). Подобную мысль мы находим и у пророка Исаии: «Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ

Мой не понимает» (Ис. 1:3).

Но в то время, как познание научно-позитивное требует только рассудочной подготовки известной степени формального развития, познание духовно-интуитивное тесно связано с нравственным состоянием человека: оно требует **чистоты сердца и строгости жизни**. Если оно не всякому человеку доступно, то единственно вследствие его греховности. Если мы иногда говорим и думаем, что познание Бога нам недоступно, то это происходит по трем причинам:

от нашей ненаблюдательности и невнимательности,

от нашей привычки, привитой нам современным направлением европейской культуры не столько созерцать предмет, сколько стараться втиснуть его в ясную для нас категорию,

и от того, что наша душа загромождена, засорена огромным количеством постоянно сменяющихся впечатлений и переживаний, мешающих ей вдумчиво наблюдать жизнь.

Философ Анаксагор, поставивший «созерцание звёзд» главной задачей своей жизни, несомненно, был ближе, по самым условиям своего существования, к познанию Бога, нежели современный фабричный рабочий, оглушаемый шумом машин, или «культурный человек» с его кинематографами, автомобилями и всевозможными видами спорта. Оглушаемые шумом и суетой окружающей нас обстановки, мы не замечаем ни в себе, ни вокруг себя тихих движений истинной жизни. Нам нужно было бы остановиться, прислушаться к этой внутренней жизни мира, внимательней взглянуть в то, что происходит внутри нас и вокруг нас. Тогда мы научились бы видеть Бога, который, по словам ап. Павла, «Не далеко от каждого из нас: Ибо мы Им и живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17:27–28).

Попробуйте внимательно проследить вашу жизнь и вы увидите в ней множество обстоятельств, встреч и разговоров, обычно воспринимаемых нами, как случайных и незначительных, но при более глубоком анализе выявляющих, что какая-то невидимая, но заботливая Рука, не насилуя вас, постоянно направляет вашу жизнь на путь добра, спасает и помогает вам. Попробуйте сохранять все эти случаи в памяти, записывайте их, изощряйте в этом направлении свою наблюдательность, и у вас наберется большой фактический материал, который даст вам возможность опытно убедиться, как в существовании Божиим, так и в Его Промысле. Этот опытный путь есть лучший и, может быть, единственный способ к познанию Бога, как об этом говорит и свят. Василий Великий, утверждая, что, когда мы видим на себе и на других действия Промысла Божия, тогда

мы начинаем познавать Бога и любить Его. Не логическими доводами мы должны убеждаться в бытии Божиим. Познание Бога приобретается только личным религиозным опытом. Бытие Божие не доказывается: оно должно быть внутренне почувствованно. Если же этого нет, значит существует некая преграда, мешающая почувствовать Бытие Божие. Слепой не видит звёзд не потому, что их нет, а потому что глаза повреждены.

Итак, всё сказанное здесь можно кратко сформулировать так: нельзя противопоставлять знание вере, как нечто объективно достоверное чему-то субъективно-произвольному и недостоверному. Вера, как чувство уверенности, есть необходимый элемент всякого знания. Однако от знания научно-позитивного, материалистического, рассудочного нужно отличать знание духовно-интуитивное, созерцательное, проникающее в глубину жизни, которым и является вера. Эта высшая степень знания, вытекает из духовной чуткости и неотделима от подвига нравственного совершенствования. Именно она, вера, с Божией помощью, приводит нас к сближению с Богом и к разумению Евангелия.

Содержание

протоиерей Сергей Четвериков Препятствия на пути к Евангелию иеросхимонах Сергей (Четвериков)	1
--	---